

Н. Н. НОСОВ
(Москва)

ВОЛХ/ВОЛЬГА КАК ГЕРОЙ РАННЕЭПИЧЕСКОГО ОБРАЗЦА (мифологическое происхождение и социальный статус)

Аннотация. В статье рассматриваются выводимые из былинного повествования особенности чудесного рождения главного героя былин о Волхе/Вольге и специфика его социального статуса. Для рассмотрения означенных аспектов привлекаются данные мифологии и истории. Делается вывод о Волхе/Вольге как относящемся к категории героев раннеэпического образца.

Ключевые слова: былина, историзм, персонаж, социальный статус, эпический фольклор.

Былинный персонаж Волх/Вольга наделен в равной степени как историческими, так и фольклорно-мифологическими чертами. Представители мифологической школы причисляли Волха/Вольгу к категории героев, обозначавшихся как «старшие богатыри» ([Буслаев 1887, 19; Злобина 2006, 94]).

Это понятие представляется несколько устаревшим, поскольку выявлять принадлежность рассматриваемого персонажа к той или иной категории героев следует не только на мифологическом срезе (а категория «старших богатырей» имеет в виду именно мифологический срез), но и на срезе собственно эпическом. Иными словами, сегодня следует руководствоваться не гипотезами, выходящими далеко за рамки фольклорного произведения, а уделять более пристальное внимание тем конкретным данным, которые доносит до нас сам его текст.

В свете этого Волха/Вольгу предпочтительнее было бы рассмотреть не как гипотетического мифического героя, каким-то образом перекочевавшего впоследствии в эпический фольклор, а как конкретно явленного перед нами эпического героя. Между тем нельзя отрицать и того, что Волх/Вольга оканчивается таким эпическим героем, который — и в этом его специфическая

особенность — не полностью оторвался от своего мифологического прошлого, иначе говоря, подвергся не полной эволюции. Но в самом былинном тексте этот мифологизм уже не осознается. Причислять рассматриваемого персонажа к какой-либо категории эпических героев позволяет, с одной стороны, историзм былинного повествования, а с другой — отраженные текстом былины и связанные с персонажем фантастические черты и явления. Только с учетом этого станет возможным строить предположения о специфике формирования образа эпического героя из образа более раннего героя мифологического.

Если мы поставим вопрос об исторических и фольклорных чертах былинного Волха/Вольги, то усмотрим таковые уже в самом мотиве его появления на свет. Этот открывающий повествование мотив является в былине о Волхе одним из самых узнаваемых. В данной былине этот мотив становится сюжетообразующим, поскольку вследствие своего чудесного рождения Волх вскоре обретает необыкновенные способности, поочередное применение которых и составляет всё последующее былинное повествование. Кроме того, с чудесным рождением героя связан и его будущий социальный статус, о котором можно рассуждать с позиций историзма. Мы в праве отметить, что отраженность в былине социального статуса героя представляет одну из многочисленных сторон историко-культурного контекста, влиявшего на формирование фольклорного произведения.

Прежде всего, следует указать на то, что мотив чудесного появления героя на свет наличествует только в сюжете о походе Волха. С сюжетом о встрече Вольги с Микулой Селяниновичем предыдущий сюжет роднит не этот мотив, а следующий — мотив обретения Волхом/Вольгой чудесных способностей, «хитростей-мудростей». Оба былинных сюжета текстологически объединяет лишь этот второй мотив и ничего более, даже имена былинных персонажей различны. Иногда, впрочем, мотив чудесного рождения в сюжете о Вольге, как и в сюжете о Волхе, частично совпадает, когда в некоторых вариантах обоих сюжетов указывается на необычайные

природные явления, которыми сопровождалось появление героя на свет. В остальном появление на свет Вольги, в отличие от появления на свет Волха, выглядит вполне обыкновенным, не сопровождаясь ничем чудесным. Нередко даже называется по имени отец Вольги, который оказывается обыкновенным человеком:

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да преставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославгович
[Гильфердинг 1873, 276].

Существуют также единичные варианты былины о Волхе, где его отец, подобно отцу Вольги, оказывается обыкновенным человеком, и мотив этот проработан подробнее, нежели в былине о Вольге:

Ай ведь было во городи в Чернигови,
Ишше был тут ведь жил
Святослав-то-свет,
Не простого-то он был роду —
боярского.
Ай родилось у ево-то молодой жоны,
Молодой жоны, боярины-то всё
большой-то ей,
Да родилось у ей да цядо милоё,
Молодой-то у ей Волх да
Святославъевич...
[Марков 1901, 255].

Но наиболее часто отцом героя в сюжете о Волхе оказывается не князь и не боярин, а змей, что и придает рождению героя статус чудесного:

По саду, саду по зелёному,
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с камению скочила на лютого
на змея —
Обвивается лютой змей
Около чебота зелён сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьёт по белу стегну.
А в та поры княгиня понос понесла,
А понос понесла и дитя рóдила
[Азбелев 1984, 217].

Эта яркая черта способствовала популярности и живучести указанного мотива в народе, и хотя, как можно наблюдать, в сюжете о Вольге он был

отброшен, в сюжете о Волхе он все же продолжал жить. Сложилась даже «балладная переработка начальной части былины “Волх Всеславьевич”» под названием «Княгиня и змей» (см. [Азбелев 1986, 567]), в которую вошли мотив чудесного рождения героя и следующий за ним мотив его скорейшего богатырского взросления:

Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору,
Ступала княгиня с камня на камень,
Ступала княгиня на люта змея,
На люта змея, на Горыныча.
Кругом её ножки змей обвился,
Кругом её башмачка сафьянова,
Кругом её чулочка скурлат-сукна,
Хоботом бьёт её в белые груди,
Во белые груди человечески,
Целует во уста её сахарные.
От того княгиня понос понесла,
Понос понесла, очреватела.
Носила во утробе чадо девять месяцев...
[Азбелев 1986, 34].

Мы могли бы не обратить внимания на этот мотив, если бы он не определял дальнейшую судьбу героя и, прежде всего, его последующий социальный статус, который, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на все дальнейшие поступки Волха.

Образ змея-отца определяет образ и тип главного героя былины, а потому на нем следовало бы остановиться подробнее. Данный образ в фольклоре осложняется тем, что не имеет функционального единства и единой коннотации. Так, например, Е. Е. Левкиевская отмечает, что в народных верованиях встречается «змей-любак — чёрт, прилетающий в виде змея к женщинам, тоскующим по своим умершим или отсутствующим мужьям», а также «змей-носак» и «змея-деньгоносица», приносящие «своему хозяину-колдуну богатство» [Левкиевская 2006, 467]. Но уже здесь, в первом случае, мы можем наблюдать сюжет, схожий с нашим былинным мотивом: змей, посещающий одинокую женщину.

Рассуждая далее, мы увидим, что в славянских верованиях наличествовал персонаж, известный как огненный

змей: «...змеевидный демон, наделенный антропоморфными чертами. Огненный змей вступает в брак с женщиной (или насилует ее), после чего родится существо змеиной породы <...>; сын огненного змея вступает в единоборство с отцом и побеждает его» [Иванов, Топоров 1995, 283]. Зачаток такого мотива наблюдается в балладе «Княгиня и змей», где достигший пятнадцатилетнего возраста герой обращается к матери, породившей его от змея:

Уж ты скуй мне палицу боевую,
Боевую палицу во сто пуд.
Мне палица легка покажется,
Уж ты скуй, матушка, в полтораста пуд.
Уж тогда-то я, матушка, буду
со змеем воевать.
Я зайду-то к нему в пещерички
змеиные,
Сниму ему буйну голову,
Подниму его головушку на острый кол,
Поднесу его головушку к твоему дворцу
[Азбелев 1986, 34].

Интересно также отметить мотив отцеубийства и в одном из былинных сюжетов, где фигурирует не Волх, а Вольга Вславьевич, хотя, судя по всему, персонаж в этом сюжете контаминировал с другими былинными героями, например, с Василием Буслаевым (который перед боем со своим крестным отцом дрался с новгородскими купцами). Данный сюжет встречается однократно и носит название «Садко, Вольга и Микула» [Гильфердинг 1873, 10]. Крестный отец Вольги выступает здесь не в виде змея, но он все равно в значительной степени мифологизирован, по описанию напоминая «старшего богатыря» из ранних мифологических былин, который, как и данный персонаж, нередко остается безымянным. Вместо богатырского шлема у него «колокол сорок пуд»:

Одевается отец его крестный,
Кладывае колокол себя на главу
Кладывае колокол же медный,
Медный колокол ещё сорок пуд
[Гильфердинг 1873, 14].

Далее следует мотив боя отца с сыном:

Упирается отца он крестного,
А ударил отца он крестного
Своим копьём бурзаемским
В его буйную голову,
В тот колокол было медный,
И молодой Вольга Вславьевич.
И лопнул колокол было медный
На главы у того отца крестового.
Убил он отца крестового
[Там же].

Можно было бы подумать, что в данном сюжете мотив боя отца с сыном является не самостоятельным, а заимствуется, например, из известного сюжета о бое Ильи Муромца с Подсокольниковом. Однако при обращении к последнему мы наблюдаем совершенно иную картину: во-первых, не сын убивает отца, а отец убивает сына. Кроме того, отец не знает, что бьется с собственным сыном, а узнаёт об этом уже впоследствии.

Предшествующий мотиву боя отца с сыном в рассматриваемом сюжете мотив боя Вольги с новгородцами отсылает нас к былинному сюжету о Василии Буслаеве, в котором встречается аналогичный мотив, но последующий мотив (бой сына с отцом) в нем уже отсутствует — Василий Буслаев с детства воспитывается матерью. Остается предположить, что мотив боя Вольги Вславьевича с отцом здесь является самостоятельным, а победа героя над своим отцом (а не наоборот) больше схожа с подобным фольклорным мотивом, где отцом оказывается змей, которого герой-сын непременно побеждает.

Продолжая рассуждать о змеином образе фантастического отца былинного Волха Вславьевича, мы наблюдаем, что верования в подобное родство сохранились у всех славянских народов. Выделяют две основных разновидности образа змея, оплодотворяющего женщины: змей огненный и змей летающий.

«Змей огненный — в.-слав. и з.-слав. — разновидность змея летающего, имеющая некоторые общие признаки с ю.-слав. образом змея: сексуальные отношения с женщинами, результатом которых является болезнь и смерть женщины <...>. От связи змея огненного

с женщинами рождаются демоны или уроды» [Левкиевская 1999а, 332—333].

Хотя перед нами и образ змея, посещающего женщину и сожительствующего с нею, общего с рассматриваемым нами былинным мотивом чудесного рождения Волха он имеет мало. Все функции огненного змея носят выраженный деструктивный характер (бытовали даже защитные заговоры «от огненного змея, летающего к женщине, которая по нём тоскует» [Майков 1869, 161]), а в былинном сюжете все выглядит наоборот: мать Волха не умирает, а сын рождается не демоном, а богатырем, хотя и унаследовавшим чудесную способность оборачиваться.

Совершенно иную коннотацию имеет змей летающий, однако последний является чисто южнославянским мифологическим персонажем: «Змей летающий является мифологическим любовником, который вступает в сексуальные отношения с земными женщинами, принимая человеческий облик. Такая связь часто вообще не считалась грехом и воспринималась положительно, поскольку в результате ее рождались юнаки. <...>. Детей, рожденных от змея летающего, считали героями, юнаками или людьми, обладающими необыкновенными, но положительными свойствами — огромной силой, способностью отвращать градовые тучи, убивать алу и других демонов (болг., серб., макед.). Многие болгарские и сербские исторические лица считались сыновьями змея» [Левкиевская 1999, 331].

В этом случае обнаруживается гораздо больше сходств летающего змея с рассматриваемым образом былинного змея и его влиянием: от него рождается Волх, необыкновенный герой, богатырь, наделенный чудесными положительными способностями. Можно заметить, что в былине в большей степени отразились черты и коннотация южнославянского, а не общеславянского персонажа. Былина доносит до нас этот древний образ в несколько редуцированном виде: былинный отец Волха не оборачивается человеком и не оказывает влияния на атмосферные явления, способностями к чему обладает сходный южнославянский персонаж. Интересным также представляется

сходство места обитания южнославянского змея и места встречи былинного змея с будущей матерью Волха: «Змей летающий обитает за пределами человеческого мира: в горных пещерах, <...> на неприступных горных лугах (серб.)» [Там же]. Согласно былинному тексту будущая мать Волха встречает змея в подобных местах:

По саду, саду по зелёному
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с камению скочила на лютого
на змея...

[Азбелев 1984, 217].

А согласно балладному тексту:
Ходила княгиня по крутым горам,
Ходила она с горы на гору,
Ступала княгиня с камня на камень,
Ступала княгиня на люта змея...
[Азбелев 1986, 34].

Указывалось, что в результате союза женщины и летающего змея на свет рождаются юнаки. Согласно энциклопедическому словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона «юнак» — «сербское слово, вполне соответствующее нашему “молодец” и по смыслу, и по употреблению. <...>. В эпической поэзии юнак всегда значит богатырь, молодец, удалец...» [Брокгауз, Ефрон], и это южнославянское понятие находит свое полное соответствие и в образе рожденного от змея Волха из русской былины.

Рассматривая былинку о Волхе в общеευропейском контексте, мы можем обнаружить типологические параллели в сюжетах о чудесном происхождении эпического героя при неполном соответствии мотивов: одним из родителей героя в представлениях иных европейских народов не обязательно является змей — это может быть и другой представитель фауны. Обобщая эти представления о героях, имеющих чудесное происхождение, можно выделить следующие две группы:

- великие герои, имеющие полубожественное происхождение;
- великие герои, имеющие полудемоническое (полухтоническое) происхождение.

Та или иная из указанных особенностей происхождения мало влияет на

судьбу великого героя — в каждом случае он остается положительным персонажем. Здесь нельзя забывать также и о том, что происхождение, считавшееся в дохристианские времена полубожественным, в собственно христианскую эпоху могло переосмыслиться в демоническое, хотя отношение к герою как к положительному образу при этом в некоторых случаях могло сохраняться. В случае с былинным Волхом на поверхности оказывается именно его полухтоническое происхождение. Однако образ змея настолько широк, что при нарочитом углублении в мифологию мы смогли бы предположить, что за этим фольклорным образом стоит образ одного из верховных божеств славянского пантеона, к каковым этого змея и в самом деле склонны возводить некоторые исследователи (В. В. Иванов и В. Н. Топоров прослеживают здесь сходство с Велесом [Иванов, Топоров 1995, 109], М. Гимбутас указывает на связь со Сварогом, [Гимбутас 2004, 200], современный мифолог М. Серяков говорит о связи с Перуном [Серяков 2005, 99—101]). Однако эти гипотезы мало способствуют объяснению былинного сюжета, в котором появление змея обуславливает чудесное рождение Волха и его чудесные способности. Между тем, верования в полубожественное происхождение героя могли оказывать влияние на осмысление его социального статуса, а последний, в свою очередь, находил отражение и в эпосе.

Переходя к проблематике социального статуса былинного героя, отметим, что в сюжетах о Волхе и Вольге этот статус совпадает, однако отличается своей спецификой. Отражение этой специфики связано не только с фантастическим элементом в былине, но и с былинным историзмом.

В сюжете о Вольге прямо или косвенно указывается, что герой по праву своего рождения принадлежал к боярскому или княжескому сословию, являясь не только боярским или княжеским сыном, но и племянником либо крестным сыном князя Владимира, отправляющего его в поход за данью, во время которого и происходит встреча Вольги с Миколой. Исследователи считают этот

сюжет более поздним [Пропп 2006, 76], чем и объясняется отсутствие в нем мотива чудесного рождения героя.

В сюжете о Волхе также прослеживается княжеское происхождение главного персонажа, поскольку таковым оказывается и статус его матери: княжна [Азбелев 1984, 217].

Уместно ли здесь проводить грань между князем и боярином? Функции героя в былине никак не изменяются вследствие этого расхождения. Отсюда следует, что сказителю не должен был быть принципиален этот нюанс — важнее для него было просто подчеркнуть высокородное происхождение героя. С другой стороны, слово «боярин» («от *бой*, *бить*, *воевода*?, от *болярин*, болеть по ком, заботиться?» [Даль 1863, 107]), означающее персону, состоящую в родстве с представителями верховной власти, сполна характеризует статус былинного персонажа: он крестный сын князя Владимира, воевода, самлично обеспечивающий свою дружину. Д. Д. Ханьков¹ также отмечал: «Бояре были мужи, которые заслуживали это достоинство на войне, с мечом в руках. Тогда война считалась делом самым благородным, прочие же занятия возлагались на служителей. <...> Название же *боярин*, вероятнее всего, можно полагать, произошло от слова *бой*» («бой», по мнению Д. Д. Ханькова, — «муж, отличившийся в боях») [Ханьков 1860, 7—8]. Однако то, насколько сознательно былинный герой назван сказителем боярином, мы уже не узнаем. Добавим также, что боярином Волх назван лишь в одном из вариантов былины. Более того, обращаясь к своей матери, он сам отрицает свое боярское происхождение в пользу того, что он — богатырь:

¹ Обзорное сочинение Д. Д. Ханькова посвящено не фольклору, а реалиям русской старины, начиная от сословно-общественного устройства, денежной системы, традиционного домостроительства и костюма и заканчивая рассмотрением бытовой обрядности и особенностей русской кухни. Отсюда следует, что слово «былины» в заглавии употреблено не в значении эпического фольклорного жанра (как известно, названного так искусственно), а в своем прямом значении «былей», реалий старины. — *Примеч. автора.*

Ты клади-ко мне всю принадлежность
богатырскую.
Я родился от боярина, скажу-то,
матушка, — я не боярьской сын,
Я родился от боярина, я богатырь
сильней...
[Марков 1901, 256].

Отрицание героем собственного статуса можно объяснить следующим образом. Существует точка зрения, что этимология слова «боярин» — общеславянская, «боярами первоначально назывались профессиональные воины, то есть дружинники» [Горский 1989, 41]. Но, возможно, в сознании поздних сказителей — в данном случае это «покрученники» [Марков 1901, 255], т. е. морские промышленники [Даль 1866, 575] — понятие «боярин» не отождествлялось с воинской принадлежностью и вообще являлось анахронизмом, так как боярство как историческое явление сошло на нет к концу первой половины XVIII в. Не исключено, что понятие «боярин» также являлось в сознании сказителей маркированным аналогично просторечным выражениям, приводимым В. Далем: «Боярничать, боярить, бояриться, принимать на себя вид барина, желать казаться им. <...> Избоярился, избаловался» [Даль 1863, 108]. В этом смысле Волх спешит противопоставить себя такой боярской принадлежности и объявить богатырем.

Если же допустить, что наименование Волха боярином в былине имеет исконный характер, то можно предполагать, что Волх, называя себя не боярином, но богатырем, имеет в виду то, что он не является ни рядовым, ни даже старшим дружинником, каковые и могли именоваться в Киевской Руси боярами [Горский 1989, 42]. Это подтверждается тем, что далее, согласно былинному сюжету, Волх сам набирает себе дружину и сам становится ее предводителем (а не остается «боярином» в чьей-либо чужой дружине). Как для дружинного предводителя и великого богатыря, статус боярина оказывается для героя низшим, и потому он спешит его оспорить.

Однако наиболее частотны те варианты былин, где есть указание на то, что Волх/Вольга имеет отношение не к

боярскому, а к княжескому сословию. В былинах не указывается напрямую, что Волх наследует княжеский титул, однако косвенно это подтверждается указанием на княжеское происхождение его матери, а также тем, что впоследствии герой становится предводителем дружины и полководцем, что соответствует раннему типу князя. Ученые также сходятся во мнении, что историческим прототипом былинного персонажа мог являться именно один из древнерусских князей. В комментарии ко второму разделу второй части труда «Русский героический эпос» В. Я. Пропп указывает, что С. К. Шамбинаго, М. Г. Халанский и А. Н. Робинсон считают таковым прототипом князя Олега Вещего [Пропп 2006, 570–571]. В. В. Иванов, В. Н. Топоров и Д. С. Лихачев полагают его прототипом князя Всеслава Полоцкого [Иванов, Топоров 1995, 110; Пропп 2006, 571], Н. И. Коробка и Вс. Ф. Миллер — великую княгиню Ольгу [Пропп 2006, 571; Миллер 2005, 264].

Дополнительным подтверждением того, что Волха-Вольгу можно идентифицировать как князя, служит происхождение самого жанра былины из дружинно-княжеской среды.

Однако здесь возникает та сложность, что в разное время статусу князя на Руси приписывались разные функции, и это не могло не отразиться в эпосе. Особенно отчетливо это проявляется, если мы сопоставим «князя» Волха/Вольгу и былинного князя Владимира Красно Солнышко. Князь Владимир, как правило, не покидающий своего дворца, не выступает в качестве предводителя дружины, ведущего ее в поход. Всегда окруженный своей челядью, нередко во время пира в своих палатах, он лишь отдает распоряжения своим богатырям, сам оставаясь на месте, когда богатыри отправляются на ратное дело. Если Волх — князь, то это князь совершенно иного типа. Он фактически живет в окружении своей дружины, предводительствует ею и сам играет в военной операции главенствующую роль. Это объясняется тем, что образ Волха/Вольги является более архаичным, нежели образ князя Владимира, несмотря на то, что в сюжете

о встрече Вольги и Микулы присутствуют и Владимир, и Вольга. Имея более архаичное происхождение, былина о Волхе/Вольге доносит в своем повествовании архаические следы специфики княжеского статуса. Несмотря на то, что прототипом былинного Владимира является также киевский князь — Владимир Святославович, былинный Владимир, в силу того, что его образ является менее архаичным, нежели образ Волха, предстает в былинах князем, характерным уже для более позднего времени. Если былинный Владимир оказывается более похожим на самодержца позднейшей эпохи, то в статусе былинного Волха/Вольги отражена ранняя форма княжения. В этом плане былинный Волх, особенно как завоеватель чужих земель, сравним с историческими киевскими князьями, подобными Олегу и Святославу, а также со своим возможным прототипом — князем Всеславом, который также являлся предводителем собственной дружины и совершал многочисленные военные захваты. Между тем, былинный эпос в своем развитии остается подчиненным воинской тематике, поэтому там, где князь утрачивает свою воинскую функцию, на первый план выступают богатыри. В былинах о Волхе/Вольге, напротив, воинскую функцию реализует главный персонаж, а потому на его главенствующем фоне дружина смотрится второстепенно.

О княжеском статусе Волха в его архаической форме свидетельствуют отразившиеся в былине взаимоотношения Волха с его дружиной, и в первую очередь мотив материального обеспечения героем своего войска:

...Волх поил-кормил дружину
хороброю,
 Обувал-одевал добрых молодцов, —
 Носили они шубы соболиные,
 Переменные шубы-то барсовые <...>.
 А поил-кормил дружинушку
хороброю,
 А все у него были ества переменные, —
 Переменные ества сахарные
 [Азбелев 1984, 218].

Здесь мы имеем не столько художественное описание, сколько отражение некоторых аспектов действительного исторического этикета ранних взаимоотношений князя и его дружины.

Одаривание представляло собой непременную княжескую функцию. Схожие модели мы находим в представлениях других родственных народов, и это общее явление еще раз говорит о том, что здесь мы имеем дело с архаичным типом княжения. Так, наиболее употребительным эпитетом скандинавского конунга или вождя у англосаксов, схожего по своему статусу с древнерусским князем — предводителем дружины, был отраженный в эпосе этих народов эпитет «кольцедаритель» или «ломающий гривны» (дарили подчас не целое кольцо, то было значительное богатство, а части его)» [Гуревич 2005, 12], которым его нарекала дружина в связи с тем, что он наделял ее материальными благами.

С одной стороны, обязательство князя обеспечивать дружину можно объяснить рационально, поскольку тем самым он и удерживает дружину вокруг себя. Но если мы обратимся к особенностям архаичного восприятия, то увидим, что сам князь считался человеком, особо отмеченным благосклонностью судьбы, а нажитое им богатство олицетворяло его удачливость. Если вести эту мысль далее, то можно сказать, что одаривание оказывается своеобразным ритуалом, в соответствии с логикой которого князь наделяет дружину не только материальными благами, но и делится с нею своей личной удачливостью, воплощенной в княжеских дарах. Этот мотив, таким образом, оказывается в былинном сюжете не случайным, поскольку предвосхищает его благополучную развязку. Лишь после того, как одарил свою дружину во время пути к землям врага, Волх переходит непосредственно к реализации захвата вражеского государства, в котором вместе с дружиной одерживает победу. Залогом этой победы дружины Волха над врагом на его территории явилось отчасти именно то, что прежде дружина получила от своего предводителя часть его удачи, необходимой в их общем начинании. Медиевист А. Я. Гуревич указывает: «Дружинники ждут подарков вождя прежде всего как убедительных знаков своей доблести и заслуг <...>. Но в ту эпоху в акт дарения вождем драгоценности верно человеку вкладывали и более глубокий, сакральный смысл <...>. Могучий король,

славный предводитель — наиболее «богатый» счастьем человек <...>. Существовала вера, что везенье вождя распространяется и на дружину. Награждая своих воинов оружием и драгоценными предметами — материализацией своей удачи, вождь мог передать им частицу своего везения» [Гуревич 2005, 13].

Захватническая сущность совершаемого Волхом похода, контрастируя с более поздними эпическими сюжетами, для которых характерна идея защиты своей земли, отражает, во-первых, время формирования былины в период становления Киевского государства, а во-вторых, роль ранних князей как завоевателей. Позже эта риторика становится идейно чуждой народу, а потому поход Волха начинает трактоваться как превентивный, а в более поздних эпических образцах мотивы завоевательных походов практически перестают возникать. Одним из таких сюжетов является более позднее, нежели сюжет о походе Волха, повествование о встрече Вольги с пахарем Микулой Селяниновичем, где симпатии народа переходят с князя-завоевателя Вольги на мирного крестьянина Микулу. В. Я. Пропп отмечает: «Волх отправляется в поход, потому что Киеву грозит опасность, и эту опасность он хочет предотвратить. Но это — позднейшее наслоение. Возможно утверждать, что древнейшая основа песни была иной, и что эту основу народ отбросил. Волх первоначально совершал набег с совершенно иными целями: поход Волха был чисто хищнический» [Пропп 2006, 76]. Сюжет о встрече Вольги с пахарем Микулой Селяниновичем, согласно В. Я. Проппу, сложился значительно позже, чем сюжет о походе Волха. В этом последнем сюжете Вольга предстает перед нами именно в сравнении с Микулой и на его фоне получает уже почти полностью негативную коннотацию: «Много позднее образ Волха был использован уже как чисто отрицательный и противопоставлен Микуле Селяниновичу», — отмечает В. Я. Пропп [Пропп 2006, 76].

Итак, для былины как эпического жанра характерен историзм. Анализируя былинку, мы неизбежно соприкасаемся с ее реально-историческим контекстом. Одним из проявлений историзма

в комплексе былин о Волхе/Вольге является отображение социального статуса их главного персонажа. Социальный статус героя здесь также обусловлен влиянием мифологических отголосков, исторических прообразов сюжета и прототипов персонажа, а также трансформацией народного отношения к нему с течением времени.

Обобщая характеристику социального статуса былинного Волха/Вольги, можно сказать, что Волх — это князь по крови, осуществляющий раннюю и современную Киевской Руси форму правления, опираясь на свою дружину, для которой он является непосредственным вождем и подателем материальных благ и удачи. Одновременно былинный образ Волха/Вольги отражает свойственную ранним историческим князьям функцию захватнической колонизации новых земель в период формирования государства.

Как эпический герой Волх/Вольга равно наделен характерными фольклорными и историческими чертами. Обширную почву для рассуждения о тех и о других предоставляет мотив чудесного появления героя на свет. Схожесть этого мотива в былине с южнославянскими верованиями позволяет сделать предположение о древнем происхождении данного мотива, отголосок которого проявился в былинном повествовании. Фольклорные черты героя осложнены заметной мифологизированностью, а в плане социального статуса в нем распознается раннеисторический князь. Из этого можно сделать вывод, что былинный Волх/Вольга является *героем раннеэпического образца*, в отличие от большинства других основных богатырей русского эпоса, которые не являются князьями-предводителями дружин, и их появление на свет не сопровождается столь выраженной мифологизированностью.

Литература

- Азбелев 1984 — Былины / подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. Л., 1984.
 Азбелев 1986 — Исторические песни. Баллады / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. С. Н. Азбелева. М., 1986.
 Брокгауз, Ефрон — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.

Электронное издание: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/etno/749>

Буслав 1887 — *Буслав Ф. И.* Русский богатырский эпос // Буслав Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887. С. 1 — 215.

Гильфердинг 1873 — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873.

Гимбутас 2004 — *Гимбутас М.* Славяне. М., 2004.

Горский 1989 — *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989.

Гуревич 2005 — *Гуревич А. Я.* Средневековый героический эпос германских народов. Беовульф // Беовульф. СПб., 2005. С. 5—14.

Даль 1863 — *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. М., 1863. Т. 1.

Даль 1866 — *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка. М., 1866. Т. 4.

Злобина 2006 — *Злобина Н. Ф. А.* Котляревский как исследователь русского фольклора. М., 2006.

Иванов, Топоров 1995 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Огненный змей // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 283—284.

Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Змей летающий // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 330—332.

Левкиевская 1999а — *Левкиевская Е. Е.* Змей огненный // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. М., 1999. Т. 2. С. 332—333.

Левкиевская 2006 — *Левкиевская Е. Е.* Мифы русского народа. М., 2006.

Майков 1869 — *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1869.

Марков 1901 — Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.

Миллер 2005 — *Миллер В. Ф.* Народный эпос и его история. М., 2005.

Пропп 2006 — *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 2006.

Серяков 2005 — *Серяков М. Л.* Любовь и власть в Древней Руси. М., 2005.

Ханыков 1860 — *Ханыков Д. Д.* Русские былины. М., 1860.

Summary. *In the article the features of a wonderful birth of the protagonist of bylinas about Volkh/Vol'ga and the features of his social status, deduced from an epic narration, are considered. For consideration of the marked aspects mythological and historical givens are involved. On the basis of the received result of considerations becomes the conclusion about Volkh/Vol'ga as appurtenant to the category of earl-epic heroes.*

Key words: *bylina, historicizm, character, social status, epical folklore.*

А. М. ПЕТРОВ
(Петрозаводск)

ПЕРСОНАЖИ РУССКИХ ДУХОВНЫХ СТИХОВ В СВЕТЕ НАРОДНО-ХРИСТИАНСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЗОЛОТЕ

Аннотация. *В статье рассматриваются персонажи русских духовных стихов в свете народно-христианских представлений о золоте, устанавливаются мифологические истоки амбивалентности образа золота.*

Ключевые слова: *золото, духовные стихи, народное православие, поэтика фольклора.*

Золото как благородный металл всегда имело высокую ценность. Золото известно человечеству уже много тысячелетий: например, еще в Древнем Египте золотые изделия использовались для украшения фараоновых гробниц. Благодаря своей ценности и эстетической привлекательности образы золотых вещей, монет, одежд и т. д. получили широкое распространение в мировой мифологии. В мифологической традиции золото воспринималось как средоточие магической силы его обладателя [Гуревич 1984, Криничная 1987].

В настоящей статье рассмотрению подвергнется жанр русского духовного стиха, в котором образ золота распространен достаточно широко и используется в выражении жанрово обусловленной аксиологии и этической оценки [Никитина 2009, 239—248]. Поскольку жанр духовного стиха выполняет функцию посредника между христианской и фольклорной традициями, большую роль в нем играют элементы книжно-христианской культуры, в том числе и христианская интерпретация образа золота. Следовательно, архаичные, сугубо фольклорные представления о золоте анализируются нами в их соотношении со стадиями более поздними, христианскими, идеями и категориями, выявляются способы их «художественного включения» в христианский контекст. Такой аспект изучения жанра